

Утренний туман ещё не успел рассеяться, и воздух был пропитан свежим ароматом трав и влажной земли. Чи Сяньчуань сегодня на удивление рано поднялся с постели — вовсе не потому, что у него изменился характер, а потому, что вопль Чжао Мантана, по силе воздействия не уступавший будильнику, пробился сквозь деревянную дверь его комнаты:

— Брат Чуань! Киноварь! Киноварь закончилась! У нас скоро даже кисточка патриарха заржавеет!

Чи Сяньчуань, взъерошив спросонья длинные черные волосы, медленно потянул дверь на себя. В его глазах еще читалась остаточная дремота:

— Чего ты орешь... Ни свет ни заря спать не даешь. Если тебе так скучно, иди перепиши сто раз Канон чистоты и покоя.

Чжао Мантан, размахивая пустой банкой из-под киновари, выглядел глубоко оскорбленным:

— Да хоть тысячу раз перепиши — это не спасет! Кровь для талисманов закончилась! В прошлый раз, когда ты был в городе, ты не купил её, все твердил, что надо брать у старика Суня. Ну и что теперь? Всё вышло, а новой нет! Бегом на гору, за покупками! Да смотри, бери лучшую киноварь, не вздумай притащить какую-нибудь подкрашенную дрянь! Это же лицо нашего патриарха!

— Лицо? — Чи Сяньчуань зевнул и покосился на банку. — Глянь на мое лицо, может, оно сгодится?

Впрочем, несмотря на ворчание, он смиренно пошел умываться. В конце концов, талисманы были одним из немногих ходовых товаров храма Юэцзянь, и оставаться без боеприпасов было никак нельзя.

Утренний рынок у подножия горы Фэнлин был самым оживленным местом в округе. Едва рассвело, торговцы уже расставили свои лавки, и воздух наполнился криками зазывал, спорами о цене и гомоном домашней птицы — настоящая, живая атмосфера человеческой жизни. В воздухе витали ароматы свежее испеченных булочек, влажной земли от овощей и жареного теста.

Чи Сяньчуань, неспешно попыхивая старым, выдавшим виды мопедом, у которого левое зеркало было в несколько слоев обмотано прозрачным скотчем, вкатился на рынок. Сегодня он был не в даосском халате, а в простеньком, застиранном сером костюме из хлопка и льна. Длинные черные волосы были небрежно собраны на затылке в пучок, а несколько прядей падали на лоб, прикрывая слишком уж изящные черты лица. Со стороны он походил на обычного симпатичного студента, если бы не его отстраненная, ленивая манера держаться, которая совершенно не вязалась с шумной толпой.

Он припарковал мопед рядом с палаткой, где пекли лепешки, даже не заперев его — вор, увидев такое корыто, лишь разочарованно покачал бы головой. Засунув руки в карманы, Чи Сяньчуань направился в самый дальний, неприметный угол рынка. Там вечно сидел старик с седыми волосами, в очках для чтения и темно-синей куртке. Его прилавок был завален

лекарственными травами, благовониями, ритуальной бумагой и — целью визита Чи Сяньчуаня — киноварью.

Старика звали Сунь, или, как его называли на рынке, Сунь-Скряга. Он был известен тем, что держал цены намертво, и торговаться с ним было сложнее, чем достать луну с неба.

— Дядюшка Сунь, доброго утра, — лениво поздоровался Чи Сяньчуань, присаживаясь на корточки перед прилавком и разглядывая кусочки киновари в прозрачных банках. Цвет был ярко-красным, текстура — тонкой. Настоящая, качественная руда.

Сунь-Скряга приподнял веки и поверх очков окинул его взглядом:

— О, даос Чи? Редкий гость. Что, в храме Юэцзянь дела пошли в гору? Решили почтить мой скромный прилавок? — в его голосе сквозила насмешка; он прекрасно знал, как обстоят дела в храме.

— Подаяния — дело такое, как боги дадут, — Чи Сяньчуань взял кусочек киновари, взвешивая его на ладони. — Да вот, Чжао Мантан говорит, что у нас запасы на исходе, заставил меня прийти. Дядюшка Сунь, по старой дружбе, отсыпьте полфунта лучшего товара.

— Полфунта? — Сунь-Скряга выставил два пальца, показав восьмерку. — Восемьсот.

Чи Сяньчуань даже бровью не повел. Положив киноварь обратно, он неторопливо произнес:

— Дядюшка Сунь, ваша цена выше, чем в столичной аптеке Тунжэньтан за элитный сорт. Ваша киноварь что, из персикового сада Небесной Владычицы или из печи Лао-цзы? Восемьсот? По-моему, восемьдесят — красная цена.

— Восемьдесят?! — старик чуть не подпрыгнул, его очки сползли на кончик носа. — Даос Чи, вы грабитель! Это же чистейшая киноварь из Чэньчжоу! Посмотрите на цвет! На вес! Меньше шестисот — и разговор окончен!

— Шестьсот? — Чи Сяньчуань усмехнулся и указал на соседнюю лавку с травами. — Дядюшка Сунь, посмотрите на женьшень старика Ли. Какой крупный, какой вид! А стоит сто двадцать за фунт. Ваша киноварь по весу выходит дороже в несколько раз? К тому же, — он подался вперед и понизил голос, добавив таинственности, — вы в последнее время не жалуетесь на боли в пояснице? По ночам спите плохо, а под утро видите во сне свою покойную жену, как она стирает белье у реки?

Сунь-Скряга замер, в его мутных глазах мелькнул испуг:

— Откуда... откуда ты знаешь?

Чи Сяньчуань сделал лицо в стиле тайна за семью печатями и постучал пальцем по банке:

— У вашего старого дома в юго-восточном углу растет софора, верно? Корни уже в стену уперлись? Софора — дерево призраков. Иньская энергия там скапливается, покой нарушает, особенно людям в возрасте — все силы вытягивает. Киноварь у вас хорошая, да только с такой жадностью продаете, что на ней уже налет медных монет, она ту иньскую энергию не удержит. Лучше отдайте мне подешевле, я вернусь, нарисую пару талисманов для защиты дома, наклеите в юго-восточном углу — и спать будете крепко, и поясница болеть перестанет, и жена во сне будет вам улыбаться, а не белье стирать.

Старик слушал его бред — то ли правдивый, то ли выдуманный — и только хлопал глазами. У него действительно болела поясница, и жену он видел именно за стиркой, и дерево в углу было! Он смотрел в ясные глаза Чи Сяньчуаня, которые, казалось, видели его насквозь, и внутри у него все сжалось от страха и желания получить тот самый талисман.

— Ну... за восемьдесят все равно не отдам! Четыреста пятьдесят! Ниже не могу! — отчаянно торговался Сунь-Скряга.

— Триста, — Чи Сяньчуань назвал цену и, мимоходом стянув огурец с соседнего прилавка, с хрустом откусил. Он жевал, чувствуя свежий вкус, и слегка нахмурился — он терпеть не мог овощи, но виду не подал. — Дядюшка Сунь, подумайте сами: мои талисманы — это ручная работа, огромная трата жизненной энергии, да и материалы нужны ваши. Считайте это инвестицией в здоровье. Триста юаней за полфунта киновари и три защитных талисмана. Честная сделка, такой больше не будет. Не верите — я пошел, схожу в соседний город к старику Вану. У него киноварь, конечно, похуже, зато он в придачу горсть полыни дает.

Он сделал вид, что собирается уходить.

— Эй, эй! Стой! Не уходи! — Сунь-Скряга ухватил его за рукав, скрипя зубами от досады. — Ладно, ладно! Триста так триста! Ну и парень, ты похлеще Чжао Мантана, тот хоть не такой прижимистый! Смотри, чтобы талисманы сработали как надо!

— Не беспокойтесь, останетесь довольны, — Чи Сяньчуань с улыбкой выложил на прилавок три помятые стоюаневые купюры и вернул остаток огурца ошарашенной торговке. — Спасибо, бабуля, огурец хрустящий.

Сунь-Скряга, бормоча под нос, что остался в убытке, споро отвесил полфунта киновари и завернул в промасленную бумагу. Чи Сяньчуань принял сверток, выудил из своей потертой холщовой сумки три сложенных желтых листка с витиеватыми письменами и протянул старику:

— Вот, талисманы для дома. Верьте, и они помогут. Наклейте в юго-восточном углу.

Сунь-Скряга бережно спрятал их за пазуху, и его лицо заметно разгладилось.

Чи Сяньчуань с покупкой в руках, пребывая в отличном настроении, развернулся, чтобы покинуть этот шумный эпицентр жизни. Но не успел он проехать и пары сотен метров, как его

перехватили знакомые тетушки.

— Ой, Сяо Чуань! Опять с горы спустился за покупками? — прогремела тетушка Ван, торговка овощами. — Ты, парень, такой красавец, чего до сих пор невесту не ищешь? Вон Мантан — хоть и трусоват, а уже суетится! Послушай тетю, у меня племянница в городе учительницей работает, такая ладная! Может, познакомить вас?

— Вот именно! — поддакнула тетушка Ли, торговка тофу. — Сяо Чуань, не сиди ты на горе, даосом! Сейчас и даосам жениться можно! У меня на примете есть одна девица, семья супермаркет держит, условия отличные! И сама работающая!

Чи Сяньчуань, зажатый со всех сторон, нацепил на лицо вежливую, но отстраненную улыбку:

— Тетушка Ван, тетушка Ли, спасибо за заботу. Но я человек верующий, стремлюсь к чистоте и покою, всему свое время, насильно мил не будешь.

Он пытался незаметно прибавить газу на своем мопеде.

— Какая еще чистота и покой! — не унималась тетушка Ван. — По-моему, ты просто лентяй! Весь в Мантана! Тот, когда в прошлый раз спускался, сам спрашивал, нет ли у меня на примете хорошей девушки! Не бери с него пример, только болтать умеешь!

— Верно, верно! — подхватила тетушка Ли. — Сяо Чуань, послушай тетю, пока молодой — ищи! Посмотри на себя, сколько девушек заглядываются! Потом локти кусать будешь, когда всех хороших разберут!

У Чи Сяньчуаня от шума начала болеть голова, и он решил использовать козырь:

— Тетушка Ван, тетушка Ли, гляжу я на вас сегодня — у обеих лица сияют, глаза горят, наверняка в доме радостное событие предстоит. Но вот только... — он понизил голос, — тетушка Ван, у вас на кухне кран не подтекает? А у вас, тетушка Ли, на балконе денежное дерево листья не желтит? Это мелочи, но если не исправить, на удачу дома повлияет, а там и до проблем в личной жизни детей недалеко...

Он не успел договорить, как лица женщин переменились.

— Ой! У меня ведь правда кран подтекает!

— И правда! У меня дерево несколько лет росло, а в последнее время сохнет!

Они тут же забыли про сватовство и накинулись на Чи Сяньчуаня с расспросами, как это исправить.

Чи Сяньчуань внутренне посмеивался, но с самым серьезным видом давал «ценные советы» о том, что кухня — это стихия огня, а утечка воды подавляет её, поэтому нужно срочно чинить, а

желтые листья у дерева — это застой энергии дерева, нужно переставить его на юго-восток. Наконец, вырвавшись из плена, он под жужжание мопеда поспешил прочь, оставив тетушек ломать голову над тем, как «поправить судьбу».

В выходные на горе Фэнлин было оживленнее, чем обычно. Хотя храм Юэцзянь стоял в стороне от проторенных троп и не мог похвастаться толпами паломников, в эту субботу, возможно из-за погоды, к ним заглянуло человек семь-восемь. Были тут и местные старики, пришедшие помолиться, и молодые туристы, привлеченные постами о «тихом уединенном храме», и молодая пара с ребенком.

Чжао Мантан с самого утра бегал как заведенный, командуя Лю Хэшанем и Чжан Шоуцзином: прибраться во дворе, протереть статуи, подготовить благовония. Он сегодня нарядился в новую футболку и даже пригладил волосы водой, стремясь произвести впечатление на «спонсоров», чтобы те побольше пожертвовали на масло для лампад.

— Брат Чуань! Брат Чуань! Хватит лежать! — Чжао Мантан ворвался на задний двор, где Чи Сяньчуань все еще валялся в шезлонге, прикрыв лицо книгой Бытие и время. — Люди пришли! Много! Сегодня отличный день для выручки! Вставай, готовься!

Чи Сяньчуань лениво сдвинул книгу, обнажая заспанные глаза:

— К чему готовиться? Я тебе не обезьяна в зоопарке.

— К обряду! Обряду благословения! — Чжао Мантан топал ногами от нетерпения. — Столько людей, ты должен показать класс! Чтобы верующие увидели профессионализм нашего храма Юэцзянь! А там и жертвования потекут!

Чи Сяньчуань покосился на него и медленно сел:

— Жертвования? По-моему, это ты от денег с ума сошел.

Впрочем, он все же встал и потянулся.

— Ладно, сделаю это ради патриарха.

Он ушел в свою комнату. А когда вышел, его было не узнать.

На нем был новый халат цвета индиго с золотой каймой, широкие рукава, торжественный вид. Небрежный пучок был аккуратно убран под шапочку, открывая высокий чистый лоб и одухотворенное лицо. Никаких прядей на лбу, а глаза, обычно ленивые или насмешливые, сейчас были спокойны, как глубокая бездна. В руке он держал старинный меч из персикового дерева.

В этот момент он больше не был тем ленивым, жадным до денег Чи Сяньчуанем. Он был настоящим настоятелем храма Юэцзянь, слугой Небесного Владыки Грома. Его облик излучал

неземное величие, казалось, он вот-вот взлетит на облака.

Чжао Мантан застыл от восторга, а потом просиял:

— Да! Да! Именно это нам и нужно! Держи марку! Я побежал встречать гостей!

Чи Сяньчуань неспешным шагом направился в главный зал. Лю Хэшань и Чжан Шоуцзинь уже зажгли благовония, и сизый дым поднимался к божествам. Несколько посетителей тихо стояли у входа, с любопытством и трепетом глядя на молодого даоса, чей облик внезапно стал почти недостижимым.

Он вошел в зал и поклонился статуе. Когда он выпрямился, его взгляд был ясен и пуст.

Обряд начался.

Он ступал по священным кругам, его движения были точными, каждый шаг соответствовал расположению звезд Большой Медведицы. Он двигался плавно, словно шел по невидимым небесным путям. Его голос, чистый и мелодичный, обрел странную силу, проникая в каждый уголок храма:

— Лин-лан звенит, десять сторон очищены. Реки и моря затихли, горы поглотили туман. Все духи усмирены, бессмертные призваны. В небе нет нечистот, на земле нет демонической пыли. Мудрость пронзает пустоту, великое сокрыто в сокровенном...

Пока он читал каноны, его руки сплетались в сложнейшие жесты — печати Нефритовой чистоты, Высшей чистоты, Великой чистоты... Каждый жест был точен и полон невидимой силы, словно он чертил в воздухе знаки, соединяющие небо и землю.

Дым благовоний стал гуще, окутывая его стройную фигуру, делая её еще более призрачной. Солнечный свет проникал сквозь двери, и в столбах света танцевали пылинки, смешиваясь с дымом, словно окружая его нимбом. Посетители затаили дыхание, завороченные этой торжественной и таинственной сценой.

Когда Чи Сяньчуань произнес титул Небесного Владыки Грома и направил меч на статую, сделав завершающий шаг...

Гром!

Глухой, словно доносящийся с края света раскат грома прогремел в безоблачном небе! Звук был негромким, но отчетливым, и храм, казалось, слегка содрогнулся!

Все присутствующие вздрогнули, невольно подняв глаза к яркому солнечному небу, их лица выражали полное смятение и неверие.

— Громовержец... проявил себя? — дрожащим голосом прошептал старый паломник.

— Господи... гром среди ясного неба? — молодой турист вытаращил глаза и поспешно поднял телефон.

Чжао Мантан был так взволнован, что едва не подпрыгнул. Он с трудом сдержал крик радости, в душе вопя:

— Получилось! Получилось! Пожертвования у нас в кармане!

Лишь Чи Сяньчуань, стоявший в зале, казалось, не заметил раската грома. Его лицо оставалось спокойным, даже еще более торжественным. В зале курились благовония, но атмосфера изменилась навсегда. Теперь верующие смотрели на него с благоговением и фанатичным восторгом.

<http://bllate.org/book/18779/1822046>